

Лун Чи спросила:

— Что, если Крепость Восьми Врат отомстит и нападёт на деревню Таньту? Я смогу убежать, но жители деревни не смогут.

Господин Ли Тан, неспешно помахивая веером из перьев, протяжно ответил:

— Как говорится в старой поговорке: пользуйся болезнью врага, чтобы лишить его жизни.

Лун Чи посмотрела на своего учителя и позвала:

— Учитель?

Даос Саньту кивнул и тихо произнёс:

— Иди.

Увидев, что даже её учитель дал согласие, Лун Чи не оставалось ничего другого, как подчиниться.

Спустившись с горы, она позвала Ван Эргоу, который обмахивался краем своей одежды, и вместе с Гуачу отправилась обратно в деревню Таньту.

Ван Эргоу бежал следом за Лун Чи и сказал:

— Сяо Чи, в местах, где водятся призраки, обычно много иньской ци, холодно и мрачно. Почему же Семиярусная башня такая странная? Здесь не только не холодно, но и жарко, как в аду.

Лун Чи ответила:

— Учитель и другие говорят, что на Семиярусной башне обитает демон засухи.

Ван Эргоу прижался ещё ближе и спросил:

— Демон засухи? Тот, что вызывает засуху и которого нужно сжечь? Я помню, три года назад в деревне Чжао вниз по течению сожгли такого демона.

Лун Чи, не оборачиваясь, сказала:

— Это был не демон засухи.

Ван Эргоу настаивал:

— Кто говорит, что не он? После сожжения пошёл дождь.

Лун Чи ответила:

— Это было просто совпадение.

Ван Эргоу всё ещё доверял Лун Чи и сказал:

— Тогда Чжао Иньян открыл гроб и сжёг тело. Все говорили, что это демон засухи, и Чжао Иньян не возражал. После сожжения пошёл дождь, и все решили, что это действительно был демон засухи.

Он недоуменно добавил:

— Если это был не демон засухи, зачем Чжао Иньян его сжёг?

Когда в деревне Чжао сжигали демона засухи, Лун Чи была занята захоронением тел, принесённых течением сверху, и не пошла туда. Позже её учитель вернулся и, услышав её рассказ, сказал, что это был не демон засухи, а просто труп, который из-за нерассеянной обиды и плохого захоронения подвергся трупному превращению.

Лун Чи продолжила:

— Позже я встретила Чжао Иньяна и спросила его. Он сказал, что это был иньский труп. Старуха при жизни подвергалась издевательствам со стороны своих детей и внуков и умерла с обидой. Её сын, чтобы сэкономить, не устроил ей достойных похорон и похоронил её на пустыре в низине, где вода с гор просочилась и затопила гроб.

Она сделала паузу и продолжила:

— Вода собирает иньскую энергию, а из-за нерассеянной обиды старухи её кости не разложились, что вызвало трупное превращение. Сказания о том, что иньский труп поедает своих потомков, — это выдумки, но место, где произошло трупное превращение, обязательно становится местом зловещей энергии, нарушая фэншуй. Как только старуха набирает достаточно силы, она выходит из гроба и начинает вредить людям. Поскольку она была затоплена, это был влажный труп, и её суставы оставались гибкими, что делало её гораздо более опасной, чем сухие трупы с неподвижными конечностями.

Ван Эргоу кивнул с пониманием:

— Теперь я понял.

Гуачу наострил уши, слушая с большим интересом. С детства он жил в даосском храме, который находился на благоприятном с точки зрения фэншуй месте. Там не было ни трупных превращений, ни даже бродячих духов. Когда его старшие братья уходили ловить призраков и уничтожать трупы, они не брали его с собой, так как он был ещё мал. Единственным местом, где он мог узнать что-то новое, была деревня Таньту.

Когда они втроём добрались до деревни Таньту, они сразу направились к колодцу-тыкве. Трое из них склонились над колодцем, зачерпывая воду руками и жадно пили.

Гуачу, подойдя к колодцу, сначала хотел найти черпак, но, увидев, как Лун Чи и Ван Эргоу пьют прямо из колодца, он, мучимый жаждой, тоже не стал церемониться. Подоткнув полы своего даосского одеяния за пояс, он наклонился и начал пить.

Как раз в этот момент мимо проходил староста. Он был уже в годах, и зрение у него было неважное. Увидев издали троих, склонившихся над колодцем, он вытащил из кучи дров у соседнего дома палку и с криком бросился к ним:

— Мелкие чертенята, что вы делаете! Это наш драгоценный колодец, сокровище деревни, а вы, негодяи...

Но, разглядев спину одного из них, он закричал ещё яростнее:

— Эргоу, ты, проклятый негодяй, я тебе...

В этот момент поднялась Лун Чи, и староста тут же замолчал, его лицо выразило замешательство.

— Сяо Чи, зачем ты связалась с Эргоу?

Он замахнулся палкой, собираясь ударить Ван Эргоу.

Эргоу ловко увернулся, поднял Гуачу, который всё ещё пил из колодца, и поставил его перед старостой.

На губах Гуачу ещё блестели капли воды, а рукава его одежды были мокрыми. Его белое лицо покраснело от смущения:

— Староста, мы... мы очень хотели пить...

Он поспешно сложил руки в даосском приветствии и низко поклонился:

— Простите, простите.

Увидев Гуачу, староста тут же изменил своё отношение, став необычайно любезным и дружелюбным:

— А, это наш маленький даос. Ничего страшного, пейте, сколько хотите.

Лун Чи сказала:

— Староста, купите дров.

Староста удивлённо посмотрел на неё:

— Ты покупаешь дрова?

Во всей деревне меньше всего в дровах нуждалась именно она. Каждый год сверху по течению приносило столько дерева, что она вылавливала его, сушила на берегу и рубила на дрова. На Трупном берегу было слишком много погибших, и, кроме Лун Чи, обладающей духовной силой, и Ван Эргоу, который был словно переродившимся злым духом, никто в деревне не осмеливался собирать вещи с Трупного берега. Дерево, принесённое водой, лежало там кучами, но никто не смел его трогать.

Когда Лун Чи сказала, что хочет купить дрова, староста внутренне посчитал это шуткой.

У Лун Чи не было денег, и она, указав на маленького даоса Гуачу, сказала:

— Он покупает.

Гуачу, хотя и был моложе Лун Чи, каждые несколько месяцев привозил ей пятицветный рис и одежду. Деревенские знали его, и, учитывая, что он был из Обители Великого Покоя, староста без лишних слов согласился, сказав, что дров будет сколько угодно.

Лун Чи сказала Гуачу:

— Ты оставайся на площадке для сушки зерна и принимай дрова. Когда всё будет готово, пусть Эргоу поможет тебе перетащить их. Деревенские продадут тебе дрова, и больше ничего не спрашивай.

Она повернулась к старосте:

— Староста, ты тоже не спрашивай Гуачу, зачем ему дрова.

Сказав это, она снова наклонилась над колодезем, напилась вдоволь и отправилась на Трупный берег.

Староста знал, что у них, занимающихся таким делом, много табу, и не стал задавать лишних вопросов, с готовностью помогая Гуачу покупать дрова.

Лун Чи подошла к краю Трупного берега и взглянула на реку. Картина была хуже, чем после наводнения. Множество тел уже выбросило на берег, а вместе с ними плавали обломки разбитых лодок. Поверхность реки была покрыта деревом и лодками. Погибших было так много, что иньская ци стала слишком сильной, а Трупный берег и без того не был спокойным местом. Теперь, когда дерево закрыло поверхность реки, а время наибольшей активности янской ци уже прошло, бродячие мертвецы на дне реки тоже стали проявлять активность. Большие куски разбитых лодок крутились на поверхности, приближаясь к телам, плавающим в воде. Когда обломки подходили близко к телам, те словно бы хватала большая рыба снизу, и

они тут же исчезали под водой.

Конечно, тела утаскивали не рыбы, а бродячие мертвецы.

Лун Чи закатала рукава и штанины, подошла к берегу и начала вытаскивать тела, выброшенные на берег.

Подойдя к ближайшему телу, наполовину погружённому в воду, она только хотела протянуть руку, как её испугал вид мертвеца.

Обычно в реке она находила тела, убитые речными бандитами или утонувшие. Если они не застревали где-то наверху и не лежали в воде десять-пятнадцать дней, они обычно не выглядели так ужасно. Но тело перед ней, принадлежавшее речному бандиту, выглядело поистине ужасающе.

Цветом оно напоминало запечённую утку, но утка выглядела более упитанной. Тело было тёмно-коричневым, иссохшим, как палка, а лицо — словно кожа, натянутая на череп. Глазницы провалились, но глаза остались, хотя и высохли. Даже в таком высушенном состоянии можно было разглядеть выражение лица — крайний ужас, искажённые черты, рот, раскрытый до ушей, а конечности неестественно скрючены. Очевидно, человек умер в страшных муках.

Лун Чи сразу поняла, как он погиб. Призраки с Семирусной башни ворвались ему в рот, съели всё внутри, оставив только кожу, а затем вышли через его отверстия. Лун Чи вытащила меч за спиной и лёгким движением разрешила живот и грудь трупа. Внутри было пусто, все внутренности исчезли, остались только кости, держащие кожу и высохшие мышцы. Внутри высохшего тела были видны следы острых зубов.

Человек умер страшной смертью, а призраки с Семирусной башни были особенно свирепы.

<http://bllate.org/book/15297/1351332>